

Похвальное слово тыкве

Из надорванного конверта просыпались на письменный стол крупные белые семечки, и лишь потом явилась моим глазам крупноформатная поэтическая книга: «Владимир Ширияев. Мыслящий камень. Иронические стихи».

Тыквенные семечки с некоторых пор стали чем-то вроде визитной карточки этого кемеровского поэта, чью первую книжку мне довелось редактировать и снабдить предисловием несколько лет назад. Мы ни разу в жизни не виделись, редактирование было «дистанционным», но достаточно интенсивным: письма из Ленинграда в Сибирь и обратно тогда еще ходили с приемлемой для цивилизованного государства скоростью. Потом их движение существенно замедлилось, да и книжка давно вышла, но привычка к переписке не пропала. Несмотря даже на многоступенчатое подорожание услуг связи.

В стихах кемеровского журналиста, питомца Томского университета Владимира Ширияева меня с первого знакомства с ними привлекла естественность интонации, нетривиальность взгляда на мир:

У обезьянки на щеке слеза. -
К мороженому тянется рукою,
За баки себя дергает другою -
Как будто маску хочет снять с лица.

Не надо быть профессиональным литератором, чтобы уловить ритмическую корявость предпоследней строки. Зато как точно и эмоциональна строка заключительная, стоящая многих прочувствованных страниц о любви к «братьям нашим меньшим»! Как стоят, пожалуй, многих страниц нынешней публицистики бесхитростные строчки на тему «кстати о птичках»:

Как и десять дней назад
в царственном безделии,
мрачно вороны сидят
на высоком дереве.

Закричу на весь наш сад! -
Взмоют без оглядки.
Опустились. Вновь сидят.
Но в другом порядке.

Стихи Ширияева удобно цитируемы благодаря их лаконизму. Вот еще одно восьмистишие, рожденное, судя по всему, в кресле перед телевизором:

...А когда овации замekli,
Я сказал любимой:

«Торопись!

Семенами огурцов и свеклы
непременно надо запастись.
Ветер перемен не понарошку
разгулялся.

Согласись мо мной».

Ты мне подсказала: «...И картошку
мы посадим будущей весной!».

Я намеренно опустил название стихотворения. А называется оно: «1-й Съезд народных депутатов СССР». Если это не «ретро», то Ширияев многое напророчил. В том числе и в собственной судьбе. В письме, сопровождающем книжку, он пишет: «А издал я ее на деньги, вырученные от продажи тыквы. Правда, мне пришлось бы питаться воздухом,

если бы не моя жена, на шее у которой я сижу. Кстати, зовут ее Раисой Максимовной. По специальности она инженер-метролог»...¹).

Жена женой, но по тыквенной части кемеровский поэт стал большим докой и даже авторитетом. Вместе со стихами рассылает семена своих любимых сортов. Приглашает следовать его примеру. Лично мне как-то уже не по возрасту, а в принципе - почему бы и нет. Подслушал же я в наших петербургских кулуарах мечтания одного очень лихого и тоже небесталанного стихотворца: «Сделать удачный спекуль (спекуляцию - И.Ф. - и выпустить книжку!») Что ж, спекуляция в наши дни, кажется, отнюдь не презренна и даже почтенна. Но, пожалуй, тыква все-таки лучше. А если серьезно, то в последние годы произошло чрезвычайно важное и не сразу осознанное нами событие. Поэзия перестала существовать как сфера профессиональной человеческой деятельности. Исчезла такая профессия - поэт. А она была. Лица, занимающиеся этим ремеслом, могли худо-бедно жить своим трудом, содержать себя и свои семьи... Объективно говоря, «плюсы» были, и немалые... Была сформирована единая читательская аудитория, и даже не обладавший громким именем поэт мог рассчитывать встретить в самой отдаленной точке Союза хотя бы двух-трех человек, слышавших о нем...

Это - в «плюсе». А то, что в «минусе», - известно всем. Это и бесправие автора перед издателем, и неизбежные компромиссы, и столь же неизбежное появление (ибо всякая система объективно стремится к формализации) зримых и незримых «звездочек на погонах», помогавших решить, кого издать предпочтительней...

И вдруг всего этого не стало. - Ни «плюсов», ни «минусов».

Солидный, во всех отношениях достойный человек вручает мне свою книжечку:

Вновь весна пришла к нам в гости.
Вместе с ней в родимый край
Вторгся вновь многоголосный
Звонкий щебет птичьих стай.

Автор, судя по всему, любит поэзию беззаветно и безгранично. В эпитафиях у него - Бальмонт, Языков, Фофанов, Майков, Случевский, Якубович-Мельшин, Бунин, Брюсов, Иванов (Георгий), Добролюбов (Александр), Плещеев, Жуковский, Крандиевская, Рубцов и Микола Нагнибеда. Имеет такой человек право обнародовать свои опыты, накопившиеся у него за десятилетия засилья профессионалов? Даже сомневаться в этом как-то неудобно! Ведь за свои кровные издавал, никого из очереди не вытаскивал. И, значит, волен предоставить на читательский суд все, что считает нужным, хотя бы и такое - с эпитафией из Пушкина:

Не осыпайте меня вы проклятьями
И не браните себя на беду.
Те, кого раньше звал я искренне братьями,
Меня не гоните - я сам уйду!

А если вам кажется, что эти строки, мягко говоря, косноязычны, что, в частности, размер несколько хромает, то этот факт вашей личной биографии. Вон, сразу два профессора - доктор наук А.А. Корольков из Государственного университета и В.А. Стрельченко из педагогического (тоже по нынешним временам университета) думают совершенно иначе. По их мнению, если верить предисловию, «в данном случае имеет место выдающийся вклад не только в отечественное, но и в мировое литературное наследие». Более того, предлагаемые стихи, по мнению профессоров - «это и тест на богатство внутреннего мира читающего их, на аристократичность, интеллигентность в высших, так сказать, можно сказать, - Санкт-Петербургских ее формах». Не слабо! Но что возразишь? Имеют право почтенные профессора думать (или, может быть, шутить) так, как им заблагорассудится? Что за вопрос, конечно, имеют!

¹ В 1995 году урожай в Владимира Ширяева был таким хорошим, что и на издание этого сборника выручку хватило, и на проживание (примечание издателей).

Все равны, все в одном статусе - любительском, предполагающем труд сугубо добротный, обществом не востребуемый и не оплачиваемый. И даже такое сомнение возникает в итоге: а не является ли своего рода пережитком прошлого наше стремление видеть поэтическую продукцию обязательно в образе классической книги - «кодекса», как называют книговеды? Не становится ли знакомство с типографским станком актом во многом условным, ритуальным? Так стоит ли стараться спонсоров отлавливать и в глаза им заглядывать? Ведь формы существования поэзии многообразны. Великая американка Эмили Дикинсон творила взаперти, в добровольном заточении, и с ужасом воспринимала свою единственную прижизненную публикацию, устроенную без ее ведома. Великий греческий поэт нашего столетия Константинос Кавафис сам печатал свои странные верлибры на длинных полосах бумаги тиражом не более двухсот экземпляров, что не помешало ему стать широко известным и читаемым автором, о котором с нескрываемым пиететом пишет эссе нобелевский лауреат Бродский. Да и наш гениальный Тютчев, по свидетельству современников, был до крайности равнодушен к печатной судьбе своих творений: составленную за него друзьями и почитателями рукопись книги вернул им, даже не просмотрев. Что отнюдь не умалило ни его посмертной славы, ни прижизненной взыскательности к себе...

...Кто знает, быть может, в конечном счете окажется, что нынешние трудности, переживаемые поэзией, в каком-то высшем смысле ей же на пользу. Произойдет внутри нее самой неизбежная структурная перестройка, усилится лирическое начало, а там... а там - посмотрим!

Или все-таки лучше заняться разведением тыквы?...

Илья Фоняков

«Литературная газета» от 30 августа 1995 г.